

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.Н. КАТКОВА 1863 ГОДА

В 1862 году М.Н. Катков добился заключения в свою пользу договора об аренде принадлежащих университету «Московских Ведомостей» с 1 января 1863 года. Получив в свое распоряжение ежедневную газету, Катков был настроен преобразовать ее по образцу английских общеполитических газет, образцом среди которых была Times (многочисленные ссылки и перепечатки из которой содержатся с первых номеров нового издания). С середины 50-х годов Катков стремился к образованию газеты, которая служила бы органом выражения общественного мнения, представляла бы достаточно широкую, но вполне определенную позицию. Его понимание журналистики выражено, в частности, в следующих словах:

«Неужели политическая жизнь общества, общественное мнение по законодательным и административным вопросам, должны быть исключительным уделом редакторов газет? И кто эти господа? Почему на них должна пасть забота об общественных интересах? Неужели заявление желаний и потребностей страны может быть привилегией людей, которым случайно выпал жребий издавать газету или писать в газетах? Печать становится полезной силой в обсуждении общественных вопросов не иначе, как служа непосредственным отражением мнений и желаний самого общества или его законных представителей. Только примыкая к чему-либо, печать может нормально способствовать ходу важных дел, которыми занимается правительство в видах удовлетворения желаний и потребностей страны» (МВ 13-ХІ-1863, № 200¹).

Такая возможность представилась Каткову уже в первый месяц издания газеты – 10-11 января 1863 года разразился польский мятеж. Реакция на польские события большинства русских изданий была растерянная и неопределенная – сочувствие к полякам или во всяком случае либеральное, компромиссное отношение к польским требованиям были свойственны не только оппозиционным, но и официальным изданиям [2, с. 26 – 27]. Собственно, этому способствовала и политика империи, которая с 1861 г. – с назначения главой гражданского управления в Царстве Польском маркиза Велёпольского – стремилась достигнуть умиротворения путем уступок и привлечения на свою сторону «благомыслящей» части польского общества. Даже официальный орган военного министерства, газета «Русский Инвалид», в первые месяцы 1863 г. стремился избегать резких заявлений². В

подобных условиях решительное выступление Каткова имело характер гражданского поступка³. Осенью 1863 года, касаясь ситуации начала года, Катков вспоминал:

«“День”⁴ упрекает нас, зачем мы сказали, что голос наш, при начале польского мятежа, раздавался одиноко. Он видит в этом похвальбу, и тут же с жаром обращается к публике, настаивая, что и он имеет право участвовать в этой похвальбе. Боже мой! Есть чем хвалиться! Хвалиться тем, что русские журналы подняли голос в защиту русского дела! Не хвалиться этим можно, а огорчаться при мысли о печальном явлении, которое действительно представляла наша журналистика в то время, когда понять голос в защиту русского дела казалось со стороны русского удивительною отвагой. Мы помним, как приятели поздравляли нас за первые статьи наши по польскому делу, как удивлялись нашей смелости! И это посреди Русского Царства! Кто видел нас в те, слава Богу, навсегда прошедшие минуты, тот знает, радостно ли было у нас в душе и о лаврах ли мы помышляли...» (МВ 7-XI-1863, № 195).

Данная ситуация потребовала от Каткова сформулировать собственное понимание либерализма, поскольку его репутация как редактора «Русского Вестника» была однозначно либеральной, а расхожее понимание либеральных принципов оказывалось несовместимой с позицией, занятой им в польском вопросе. Несколько раз на протяжении лета 1863 г. касаясь в передовых статьях содержания либерализма как политической позиции, Катков выработал отчетливую и сжатую формулировку:

«Истинный либерализм есть сила, а не уступчивость. Он отрекается от произвольных мер для того, чтобы упрочить порядок и законность. Он допускает и лелеет свободу потому, что верит в ее животворящую силу, а не потому, что не чувствует в себе сил бороться с притязаниями, направленными против законного порядка, против основ государства и общества. Истинный либерализм не есть и мягкость, – мягкость ко всему, и к хорошему, и к дурному. Такая мягкость есть тот же произвол, только обращенный в другую сторону и еще более опасный чем произвол жестокости, потому что поощряет преимущественно дурное. От такой мягкости терпит законность; ею пользуются нарушители закона; истинно либеральные элементы общества она отвлекает от себя, отдавая их во власть элементов революционных» (МВ 14-VIII-1863, № 178).

Катков подчеркивает, что отождествление свободы и мягкости, уступчивости фактически означает несвободу – только меняются лица, страдающие от несвободы, если мягкость означает попустительство, готовность допускать и терпеть нарушение закона и, следовательно, чьих-то прав, огражденных этим законом: «В общественных дела уступчивость од-

ним всегда заключает в себе несправедливость к другим. Чьи-нибудь интересы всегда приносятся в жертву, а никто не имеет права жертвовать ничьим, кроме своих интересов» (МВ 12-VI-1863, № 128). Напротив, «истинный либерализм должен состоять в умении подчинить свою волю закону и этим уважить свободу других» (МВ 12-VI-1863, № 128).

С самых первых статей Катков осмысляет польские события не только как угрозу, но одновременно и как возможность для России; уже 14 января он пишет: «Теперьшний взрыв будет иметь для нас последствия грозы, очищающей атмосферу» (МВ 14-I-1863, № 11). Сила позиции Каткова заключалась в том, что в ситуации общей растерянности у него были не только патриотические эмоции, но и вполне отчетливое представление о том, к чему надлежит стремиться. По получении известий о волнениях в западных губерниях, Катков заявляет, что данное событие «делает необходимым соединение Царства Польского с Россией» (МВ 26-I-1863, № 22). Подавление восстания само по себе – проблема военная и не особенно сложная, главные трудности другого плана. В отношении Царства Польского это, во-первых, предотвращение иностранного вмешательства, недопущение уступок совместным требованиям Англии, Франции и Австрии, вне зависимости от конкретного содержания данных требований – вопрос переводится Катковым в плоскость государственного суверенитета Российской Империи, недопущения какого-либо иностранного вмешательства во внутренние дела и тем более принятия на себя тех или иных международных обязательств в отношении внутренней политики; во-вторых, долгосрочное урегулирование ситуации в Царстве Польском. Необходимо не подавить мятеж – требуется уничтожить условия, сделавшие его возможным.

Дабы уничтожить предпосылки мятежа, необходимо ликвидировать обособленное положение Царства Польского. Само существование последнего является постоянным раздражителем, напоминая и подпитывая воспоминания о прежней польской государственности и давая надежду на восстановление независимого государства:

«Оставлять за Польшей какую-либо политическую особенность значило бы понапрасну питать в польской национальности несбыточные надежды на восстановление польского королевства и тем поставлять ее в враждебные отношения к России, делать ее смертельным нашим врагом, и подготавливать для будущего возможность новых восстаний, новых кровопролитий» (МВ 28-III-1863, № 69).

Поляки должны стать частью Российской Империи уже не в качестве обособленной группы – они должны стать русскими подданными, раствориться в гомогенной массе населения, перед лицом государства не имеющих никаких отличий в качестве «поляка» или «литовца». Ожидаемая «русскость» не имела для Каткова никакого определенного культурного содер-

жания – она соотносилась не с «русским народом» в представлениях славянофилов, но с Российской Империей. Фактически, Катков предлагал проект реформирования не столько отношений Царства Польского с Российской Империи, сколько трансформации Российской Империи в Россию как модерное государство, обращающее все разнообразные группы своих подданных в единую категорию граждан.

Восстание осмысляется Катковым как «интрига», нечто, не имеющее глубоких оснований в самом польском народе: «Не польский народ – враг наш. Не польскую национальность поражаем мы, подавляя восстание. Мы боремся с интригой, которую затеяло властолюбие шляхты и ксендзов» (МВ 14-VI-1863, № 130). Пытаясь обосновать такое понимание ситуации, Катков обращается к истории польской государственности, доказывая, что «польское государство есть дело польской шляхты, а не польского народа. Народ не знает его, он никогда не принимал участия в государственном деле; он ни разу не действовал в польской истории. [...] Польское государство было государством без народа; оно было достоянием шляхты, у которой не было почвы, и которая неминуемо должна была выродиться. Оторвавшись от своего корня, она отрезала себе будущее» (МВ 15-V-1863, № 105). И, наконец, знаменитый пассаж из статьи от 27 июня:

«В этом восстании нет ни малейшего признака внутренней силы воскресающего народа; это только поругание над трупом народа умершего; все это восстание, со всеми своими ужасами, есть не более как чудовищный пуф; все это восстание есть не более как интрига; оно началось интригой, плодится интригой, порождает интрига и пользуется всякою интригою, какую только встречает на своем пути. Обман, предательство, апатия народа, донкихотство и иезуитство – вот его элементы и средства; оно все тут. Несчастные народонаселения преданы на жертву интриганам, которые стараются отвести у всех глаза и придать искусственно сочиненной революции характер движения, возникшего из недр народа и обладающего несокрушимою внутреннею силою» (МВ 27-VI-1863, № 141)⁵.

Но одновременно с вышеприведенными, в передовых статьях Каткова звучали и заявления иного рода, как, например: «Будем помнить, что польский вопрос есть национальный вопрос, что борьба идет не между польским народом и русским правительством, а между польским патриотизмом и русским патриотизмом. Какой патриотизм сильнее, тот и берет верх» (МВ 4-VI-1863, № 121). На это противоречие указывал в передовой статье «Дня» от 7 сентября 1863 г. И.С. Аксаков: «Чтобы быть последовательными, “Московские Ведомости” должны отрицать самую историю Польши и уверять с негодованием (да еще каким!), что это действовала все не вся страна, вовсе не *Польша*, а так, ничтожное меньшинство, не заслуживающее внимания, что вся тысячелетняя история Польши есть точно та-

кая же интрига, как нынешний мятеж...» [4, с. 212]. Столь настаивая на характеристики восстания как «интриги» и сводя к ней, как справедливо заметил И.С. Аксаков, едва ли не всю польскую историю, Катков стремился доказать возможность прочного присоединения областей Царства Польского к Российской Империи. Если восстание есть «интрига», к которой польский народ причастен разве что безучастностью (в свою очередь обусловленной забитостью, подавленностью шляхтой), то России требуется только подавить восстание и недопустить восстановления старых порядков, дать возможность действовать польскому «народонаселению», которое способно стать верными подданными России:

«...В Польше, теснейше соединенной в своем политическом быте с Россиею и слитой с нею в одно политическое целое, несомненно найдутся условия, необходимые для водворения системы правления основанной на взаимном доверии и взаимной привязанности государя и народа. Общее настроение, господствующее в русском народе, если бы и не сообщилось тотчас же всем полякам, то по крайней мере покрыло бы голос недовольных и не дозволило бы им нарушить общую гармонию. Но есть все основания ожидать, что подавленные теперь террором элементы польского народонаселения сами в очень скором времени высказались бы благоприятно для русской державы, и что с течением общей политической жизни верноподданнические чувства все более и более упрочивались бы в польском народе, которого язык, обычаи и религия, и все интересы общественные и частные могли бы быть вполне обеспечены» (МВ 5-VI-1863, № 122).

Автономия Царства Польского только поддерживала иллюзии польской государственности, в действительности давно разрушившейся, которой история вынесла свой приговор (МВ 15-V-1863, № 105; 14-VI-1863, № 130). Своей политикой, начиная с Венского конгресса, Российская Империя только длила агонию – отказ от подобной политики, решительное объединение провинций Царства Польского с другими провинциями империи принесет успокоение «польскому народонаселению» и одновременно нормализует внутреннюю жизнь остальных частей государства.

Однако с точки зрения Каткова судьбы Царства Польского важны не столько сами по себе, сколько по их влиянию на судьбу западных и юго-западных губерний Российской Империи:

«При теперешнем положении западного края, Россия не должна уклоняться ни от каких жертв, чтобы отвратить опасность, которая потребовала бы впоследствии еще больших жертв и может быть напрасных. Но что теперь составляет величайшую опасность для России, политическая самостоятельность Царства Польского, то потеряет всякую вредоносную силу когда западный край сделается тем, чем он должен быть – вполне русским

краем [выд. нами – *А.Т.*]. Тогда – но только тогда – если бы встретились события подобные тем, которыми нам еще так недавно угрожала дипломатия, мы могли бы в дружеской беседе между собой рассуждать о том, что для нас хуже, европейская ли война с ее риском, или потеря стратегической позиции на Висле» (МВ 31–VIII–1863, № 189).

Именно для устранения опасностей для западных и юго-западных губерний Российской Империи необходимо устранить всякую автономию Царства Польского. До тех пор, пока западные и юго-западные губернии сохраняют сильный «польский элемент», до этого времени никакое примирение с Польшей невозможно – поскольку ни одна из сторон не сможет принять притязаний другой; только когда поляки убедятся в бесплодности своих надежд на восстановление Польши в границах хотя бы 1772 г., только когда западные и юго-западные губернии будут для них безвозвратно утрачены – только с этого момента можно рассчитывать на мир с Польшей. До того момента русское правление не может, как в других случаях, рассчитывать на поддержку умеренных элементов в польском обществе. Катков разъясняет, что если в обычных условиях умеренные партии суть опора всякого хорошего правления и достижение с ними соглашения – политическая необходимость, то в случае с Польшей ситуация противоположная. Умеренные партии ставят ту же цель, что и крайние революционеры – восстановление Речи Посполитой – и разница между ними только в том, что если последние есть враги открытые (и потому сравнительно неопасные), то умеренные стремятся к тому же по пути уступок, частных соглашений, готовые на тактические компромиссы, но никогда не упуская из виду главную цель. Потому уступки и не способны привести ни к какому умиротворению:

«пока каждый политический человек из поляков имеет в виду сепаратизм, пока различие между умеренными и неразумными заключается только в том, что первые способны действовать постепенно и мало-помалу укреплять свою позицию, к чему последние неспособны, до тех пор, само собою разумеется, только умеренные и могут причинить серьезный вред, потому что только они способны скрывать свои отдаленные планы и пользоваться всякою уступкою, всяким успехом, чтобы идя шаг за шагом понемногу приблизиться к своей цели, то есть к войне за восстановление Польши» (МВ 2-VIII-1863, № 169).

Итак, главный вопрос, с точки зрения Каткова – как упрочить русское владение западными и юго-западными губерниями, какими средствами можно ослабить польский элемент в этих губерниях. Если для подавления и усмирения польского восстания, согласно Каткову, не только возможно, но и необходимо опереться на крестьян против шляхты, то для западных губерний такое решение неприемлемо по следующим основаниям: (1) не-

обходимо не только лишить поляков влияния, но и крепко связать эти губернии с остальной Россией, следовательно, решение вопроса должно быть совместимо с общим и долгосрочным направлением внутренней политики; (2) уже существующие русские землевладельцы данных губерний не должны потерпеть ущерб от русской политики в крае. Политический вопрос не должен перерасти в вопрос сословный, а для такого опасного поворота событий есть все предпосылки:

«Если бы поляков было вдвое более в наших западных и юго-западных губерниях, если бы поляки были еще враждебнее расположены к нам, – большой беды в этом не было бы. Но *польская национальность не стоит здесь против русской как стена против стены, а лежит на русской, как слой на слое* [выд. нами – А.Т.]. В первом случае она была бы только партией, которая сверху донизу встречала бы деятельных противников; теперь же она есть привилегированное состояние, обладающее землею, богатством, всеми отличиями и преимуществами высших общественных классов» (МВ 22-VIII-1863, № 184).

Необходимо, следовательно, не только подавлять и вытеснять «польский элемент» из края, но одновременно требуется всячески развивать русское землевладение: «Сплошное польское землевладение есть главная язва западного края. Против этой язвы одно средство – по возможности разредить польское землевладение, увеличив число русских помещиков в этом крае» (МВ 4-XI-1863, № 192). Восстание дает возможность решить эту проблему – то, что в обычных условиях потребовало бы нарушения гражданского порядка, теперь будет совершенно законным, поскольку мятежники подлежат наказанию в виде конфискации или принудительной продажи своих земельных владений. Важно, следовательно, чтобы эти меры не остались исключительно репрессивными, но повели бы к качественному изменению состава землевладельцев, появлению многочисленного класса русских помещиков.

Исключительно репрессивная политика, отмечает Катков, имеет собственную логику – и если таковых последствий желательно избежать, то необходимо не ограничиваться только теми или иными мерами, направленными против польских землевладельцев, но одновременно энергично (пока есть время и возможности) приступить к осуществлению целого ряда мер, поддерживающих русское землевладение (напр., организация земского банка для выдачи ссуд русским помещикам для покупки имений):

«При отсутствии или слабости русских помещиков, правительство было бы принуждено опираться на крестьян, а управление, опирающееся преимущественно на крестьян, непременно должно иметь бюрократический характер. [...] ...Так как невозможно опять отдать весь западный край в польские руки, то единственным средством уравновесить бюрократию может быть увеличе-

ние числа русских землевладельцев. Смотри с этой точки зрения, сами поляки должны желать, чтобы часть польских земель перешла в русские руки. Без этого условия бюрократическое управление осталось бы навсегда единственным возможным управлением всего западного края, а это должно быть столь же мало выгодно местным польским жителям, сколько и всем русским» (МВ 4-XI-1863, № 192).

Следовательно, для того, чтобы в западных губерниях оказалась возможна общественная жизнь, чтобы смогли функционировать институты самоуправления, требуется диктатура – и из этого вытекает полное одобрение жесткой политики М.Н. Муравьева, поскольку последняя не ограничивается подавлением восстания, а ведет к созданию условий долговременного, прочного преобладания русских элементов в западном крае:

«Пока русские элементы в дворянстве западного края будут столько же слабы как теперь, до тех пор примирение польской народности останется мечтой, не только несбыточной, но и крайне вредною; до тех пор никакого другого управления не может быть в западном крае кроме диктатуры, и чем суровее будет эта диктатура, тем менее будет жертв» (МВ 4-XI-1863, № 192).

Ситуация в высшей степени усложнялась тем, что на национальное противостояние накладывалось противостояние конфессиональное - католичество выступало как таковое врагом Российской Империи и, следовательно, империя оказывалась вынуждена вступить в конфликт с вероисповеданием значительной части своих подданных. Первоначальные выступления Каткова по этому вопросу весьма прямолинейны – католичество, католическое духовенство рассматривается как враг, с которым невозможен никакой компромисс:

«Католическое духовенство есть организованный заговор против православия, заговор, готовый стать под всякое враждебное нам знамя и уже показавший нам громадность своих средств. И этому-то врагу убеждают нас делать уступки, хотя все знают, что он не удовлетворится никакими уступками, и употребит каждую новую уступку как средство для дальнейшей борьбы!» (МВ 18-VI-1863, № 133);

«Властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским народом, подавало руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную церковь. Два властолюбия вступили в союз, два властолюбия одно другого ненасытнее» (МВ 14-VI-1863, № 130).

Католичество осмысляется Катковым в категориях просвещения. Он соглашается, что ранее внешний успех, наружный блеск католичества можно было признать за признак его силы, но теперь католичество утратило все те черты, которые делали его привлекательным. Католичество опи-

сывается как религия деспотическая и фанатичная, извращающая основные истины христианства, как «церковь, исказившаяся в самом существе своем. [...] Как в практических делах церковного вмешательства ее в светские интересы мало-помалу утратились нравственные инстинкты, так в догматических вопросах совсем исчез инстинкт истины» (МВ 19-VI-1863, № 134)⁶.

Бесперспективность и, более того, опасность данной позиции вскоре становятся понятны Каткову – фактически она ведет к тому, чтобы признать вероисповедание значительной части подданных Российской Империи политическим врагом, превратить политический конфликт в религиозный. Уже в августе 1863 года Катков выдвигает альтернативу борьбе с католичеством: необходимо отделить католичество от польского восстания, преодолеть существующее тождество между поляком и католиком⁷:

«На веру их [т.е. католиков – *А.Т.*] ни государство наше, ни церковь наша не замышляют никаких покушений. Католическая церковь пользуется у нас полною терпимостью, и люди, принадлежащие к ней, обладают всею полнотою гражданских и политических прав. Пусть же остаются католиками, но они должны быть русскими [выд. нами – *А.Т.*]» (МВ 9-VIII-1863, № 174).

Это, однако, не должно означать дарования католичеству полной свободы действий – свобода вероисповеданий не должна быть во вред ни государству, ни православной церкви и может быть допущена только в том объеме, который не представляет для них опасности (МВ 9-VIII-1863, № 174). Государство, по мысли Каткова, должно взять на себя реформу католичества в своих пределах – изменить его таким образом, чтобы оно представляло опасности для государственных интересов:

«Неужели непременно требуется усиленно отчуждать наших католических сограждан в западном краю от русского языка и заставлять их исповедоваться, слушать проповедь и учиться закону Божию на языке польском? Неужели непременно нужно, чтобы люди, которые и для своего и для нашего спокойствия должны чувствовать и знать себя русскими, – какой бы ни были они религии, – неужели непременно нужно чтоб эти люди не иначе мыслили и говорили о предметах своей веры как по-польски? Неужели непременно нужно, чтобы самый священный предмет, самая глубокая основа человеческой жизни соединялась неразрывно с языком, который служит символом притязаний столь же враждебных для России, сколько несбыточных, изнурительных и пагубных для тех людей, в которых они искусственно поддерживаются?» (МВ 1-VIII-1863, № 168).

Помимо перевода проповедей на русский язык⁸, Катков предлагает ставить в католические иерархии и священники славян других национальностей, например, чехов: «Приглашенные нашим правительством в Рос-

сию для католических жителей империи, преимущественно для находящихся на службе, они могли бы вернее и надежнее пасти свое стадо чем польские ксендзы; по крайней мере дело католической религии не было бы монополией в руках польских ксендзов, которые под видом религии внушают и воспитанникам, и вообще духовным детям своим, безумную ненависть к России и дух революции» (МВ 1-VIII-1863, № 168). Не требуется в массовом порядке заменять польских священников на чехов или каких-либо других славян – дело не в количестве, а в «изменении тона, главного направления». Если католический священник, католический иерарх не будет обязательно поляком, то это изменит и само католичество в пределах Российской Империи – оно больше не будет непосредственно связано с национальными интересами, ее судьбы, ее успехи на религиозном поприще больше не будут тождественны успехам польского дела. В таком случае католичество сможет оказаться союзником государства – поскольку найдет для себя более выгодным договариваться с правительством и сосредоточиться на собственно религиозных целях, чем под прикрытием религии служить польской политике⁹. Измениться должно не только католичество – существенные перемены должны произойти и в общественном мнении, и в государственной конфессиональной политике. «Русскость» должна утратить конфессиональную компоненту:

«Русские подданные католического вероисповедания, составляющие большинство высших классов в наших западных губерниях, могут ли считать себя вполне русскими людьми (а они должны считать себя такими), когда им беспрестанно напоминают, что русский человек отнюдь не может быть католиком?» (МВ 1-VIII-1863, № 168).

Взгляды Каткова на польский вопрос останутся не до конца проясненными, если мы не учтем его достаточно оригинальную на тот момент для отечественной общественной мысли трактовку понятия нации. Как отмечает А.И. Миллер, Катков «в 1860-е годы, после отмены предварительной цензуры и формирования модерной публичной сферы, стал первым последовательно националистическим, имперским и либеральным журналистом в России» [8, с. 61]. Русская нация определяет им по следующим критериям: (1) культурно-языковые и (2) политические [см. о понимании Катковым культурно-языкового критерия: 9, с. 70]. Фактически, Катков выдвигает проект трансформации Российской Империи в национальное государство, в котором рамки «нации» максимально широки, дабы позволить включить в свой состав практически все население Империи. Подданные империи должны стать гражданами государства – в определенном смысле существенное изменение должны претерпеть и те подданные, которые в глазах, например, славянофилов являются собственно «русскими», поскольку на смену конфессиональным критериям («Русское Царство» как царство православное) должны прийти критерии гражданственности. По

мысли Каткова можно быть русским патриотом в том национальном смысле, который он вкладывает в это слово, и оставаться поляком или немцем:

«Только тот поляк, кто будет таким же искренним русским патриотом, как, например, состоящие в русском подданстве немцы, только такой поляк имеет право на примирительный образ действий с нашей стороны, но относительно такого поляка нет надобности в примирительных действиях, потому что примирение его с нами уже совершилось с тех пор, как он стал русским патриотом. Но быть русским подданным и не иметь русского патриотизма и в то же время заявлять притязания на примирительный образ действий со стороны русских людей, это такое противоречие, которое не может быть терпимо, и если бы мы стали терпеть его, то мы сделали бы решительно невозможным примирение польской национальности с русской» (МВ 4-ХІ-1863, № 192).

Используя классическую типологию национализмом взгляды Каткова определяются как «гражданский национализм», где конституирующим фактором становится политическое сообщество, границы которого в идеале должны быть тождественны границам нации. Однако случай Каткова демонстрирует точность критических замечаний Р. Брубейкера, отмечающего, «что различие между этнической и гражданской национальностью, или, иначе говоря, различие между этнической и гражданской концепцией национализма проблематично как в нормативном, так и в аналитическом плане. [...] Освобождаясь от ограничивающей антитезы гражданского и этнического национализма, мы видим, что государствоцентричные национализмы часто обладают сильным культурным компонентом и могут быть (хотя не обязательно) этницизированы» [10, с. 65, 103]. Проследившая эволюцию взглядов Каткова по национальному вопросу, фокусированных на «польской проблеме» как наиболее актуальной и болезненной для Российской Империи на протяжении большей части XIX века, мы можем наблюдать, как гражданская модель национализма, первоначально отстаиваемая Катковым, по мере необходимости наполнить национализм конкретным содержанием и решать многочисленные частные вопросы национальной политики, наполняется культурным и этническим содержанием, а практика утверждения «русского национального сознания» оборачивается «русификацией» и актами сегрегации, опирающимися на теоретически отвергнутые конфессиональные и этнические критерии.

***

Подводя итоги, отметим, во-первых, выдающуюся роль Каткова в формировании общественного мнения в России в период польского восстания, обеспечившего поддержку правительственных мер как в деле подавления восстания, так и в сфере внешней политики. Д.А. Милютин в своих «Воспоминаниях», писавшихся в отставку, вызванной, в том числе, и усилиями Каткова, тем не менее признавал, что статьи последнего, «впол-

не согласовывавшиеся с тогдашним общим настроением народа, читались с энтузиазмом во всей России и в свою очередь имели сильное влияние на общественное мнение, возбуждая еще более чувство народное» [2, с. 252].

Во-вторых, одной из причин влиятельности и убедительности позиции, занятой Катковым, была лежащая в ее основании целостная концепция национальной политики, предполагающая целостную систему мер, направленных на построение гражданской идентичности.

В-третьих, взгляды Каткова на «польский вопрос» существенно изменились на протяжении 1863 года – начав, например, с фактического отождествления польского национального движения и католичества, Катков в дальнейшем настаивал на необходимости разграничения этих явлений, дабы не допустить перерастания политического конфликта в безысходное религиозное противостояние (и тем самым не дать втянуть в него группы католического населения, не затронутые польским движением).

Предложенное Катковым видение национальной политики имело существенную слабую сторону – недооценку культурного (в широком смысле) фактора, на чем и основывалась предполагаемая легкость трансформации идентификационных привязок. Дальнейшие события продемонстрировали ошибочность данной позиции Каткова – и тем самым стимулировали инкорпорирование в его программу элементов этнического национализма.

Примечания

1. Ссылки на текст передовых статей «Московских ведомостей» даются в тексте с сокращением: *МВ* и указанием номера и даты. Статьи цитируются по изданию [1].

2. Тот факт, что «Русский инвалид» следовал за «Московскими ведомостями» и вначале польских событий его позиция (а точнее, позиция, официально занимаемая министерством, его издавшим) отличалась в известной степени неопределенностью, вынужден был косвенным образом признать в своих мемуарах Д.А. Милютин, называя «Русский инвалид» «союзником “Московских Ведомостей” в газетной борьбе с полонофильством и ложью иностранной печати» [3, с. 253].

3. 24 февраля 1863 г. председатель Московского цензурного комитета М.П. Щербинин писал министру внутренних дел П.А. Валуеву, что деятельность Каткова имеет особое значение «при упорном молчании других органов русской журналистики, которые как будто стыдятся обнаружить свое сочувствие к благородным усилиям нашего монарха и наших воинов в настоящей борьбе» [цит. по: 2, с. 27].

4. «День» – еженедельная славянофильская газета, издававшаяся в Москве И.С. Аксаковым с октября 1861 до 1865 г.

5. Устойчивое в публицистике Каткова объяснение и внутрисосисийских волнений, и польского восстания посредством «интриги» производит впечатление паранойи, однако у данной аргументации есть вполне ясный политический смысл. Говоря об «интриге» как о причине данных

событий, Катков настаивает на внутренней крепости русского общества – волнения носят поверхностный характер и, следовательно, могут быть устранены не ограничениями, налагаемыми на общественную активность, а напротив, все большим расширением общественной инициативы (МВ 22-VI-1863, № 137).

б. Антикатолическая риторика обнаруживает парадокс, отмеченный, в частности, М.Д. Долбиловым. Описывая католичество как религию экстагичекую, фанатичную, исполненную суеверий, публицистика дает зеркальный образ православия:

«Наша церковь, при полном убеждении в своей истине, совершенно в то же время свободна от духа слепой и ревнивой исключительности, которым одержимо римское католичество. В том то и заключается великое достоинство нашей церкви, дающее ей преимущества перед другими вероисповеданиями, что она, свято сохраняя чистоту православия и отвергая односторонности и уклонения, не относится однако фанатически к другим христианским исповеданиям, и скорбя о разъединении, скорбя о заблуждениях, затмевающих истину, не простирает своей ревности до того, чтобы в чувстве разногласия и отчуждения терять чувство общей истины и единства. Можно скорбеть о заблуждении, но можно и должно уважать то, чем человек или общество соединяется с истиной, и допускать возможность преобладания истины над заблуждением даже в самом заблуждении. Католический фанатизм готов проклясть самое Евангелие там, где оно является в неуказанной форме латинского текста; православие чтит и в иноверце христианскую веру и христианскую мысль. В этом-то и состоит высокое преимущество православия над латинством, и это одно уже ясно указывает, которой из двух церквей принадлежит будущность» (МВ 11-VI-1863, № 127).

Тем самым, независимо от воли авторов, «получалось так, что отрицательные свойства образовывали смысловой ряд активности и энергии, а положительные, атрибутируемые по контрасту православию, – апатии и бездействия» [5, с. 288]. Православие в описании Каткова утрачивает всякие специфические черты, тяготея к некой «чистой религиозности», «религии в пределах одного только разума»; противоречие, возникающее при подобном описании, заключается в том, что от таким образом понимаемого православия одновременно ожидают активной религиозной пропаганды, сильной конфессиональной позиции, способной не только отражать угрозы католического влияния, но и способной в свою очередь на активную миссионерскую политику (по модели «внутреннего миссионерства»). То, что оппозиция фанатизм/умеренность выступает как положительная черта православия, оборачивается угрозой «нигилизма», когда пару в оппозиции православию составляет не католичество, а современное русское общест-

во; православие в этой системе координат начинает описываться как слабое, не имеющее достаточной опоры ни в образованном обществе, ни в собственном духовенстве – то, что не столько защищает империю, сколько само нуждается в защите. Так, извиняя обращение В.С. Печорина, Катков пишет: «Восприимчивый и пылкий, он весь предался новому могущественному чувству. Бросим ли мы в него камень? укорим ли его за отпадение от православной церкви, которой он почти не знал и к которой принадлежал только по имени? Он стал католиком, но он стал христианином» (МВ 1-VIII-1863, № 168); следовательно, для того, чтобы православие смогло стать действенной опорой империи, оно само должно измениться – и, в определенном смысле, стать похожим на своего религиозного соперника (МВ 9-VIII-1863, № 174).

7. Катков обращает внимание на изменение в статических данных. Если в 1842 г. в западном крае насчитывалось 350.000 католиков-белоруссов, то в 1863 г. (по данным «Вестника Западной и Юго-Западной России») их было уже только 93.000. Катков задается вопросом: «Где девалось это множество белоруссов-католиков, если справедливо показание, что теперь во всех наших западных губерниях не более 93.000 этого класса людей? Не очевидно ли, что они стали поляками и может быть врагами России?» (МВ 9-VIII-1863, № 174). Католическое вероисповедание при существующем положении опасно тем, что способно изменять национальную самоидентификацию лица, превращая его из «белорусса» (для Каткова данное написание является значимым, поскольку отражает принадлежность данной группы к конструируемой Катковым «большой русской нации») в поляка. В приведенной цитате, впрочем, выражается косвенное сомнение Каткова в приводимых «Вестником» цифрах, поскольку бюрократическая этическая и религиозная преклассификация населения получает в это время широкое распространение, позволяя в зависимости от политических видов получать нужные цифровые показатели [см., напр.: 5, с. 182 – 192].

8. Вопрос о русском языке в католическом дополнительном богослужении вызвал долгие обсуждения и споры в верхах русской государственной и церковной иерархии (последняя опасалась, что проповедь на русском языке поведет к прозелитизму среди православных, которые до сих пор были отгорожены от католичества в том числе и языковым барьером). Только в декабре 1869 г. Александр II одобрил постановление специального комитета, дозволившее верующим «иностранных исповеданий» слушать проповеди и возносить молитвы на русском языке (в западных губерниях это привело к всячески поддерживаемой местной администрацией компанией по введению русского языка в богослужение, в свою очередь, вызвав серьезное, хотя и преимущественно пассивное, сопротивление местных католических священников) [см.: 5, гл. 8].

9. Попытки изменить католичество в России привели в 1860-х к возрождению проектов создания «русского католичества», т.е. самостоятельной католической иерархии, независимой от власти папы [см.: 7, с. 255 – 265; 5, с. 356 – 359].

Библиографические ссылки

1. Катков, М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год / Издание С.П. Катковой. – М.: Типография В.В. Чичерина, 1897. – VI+785 с.

2. Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978. – 279 с.

3. Милютин, Д.А. Воспоминания. 1863 – 1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 688 с.

4. [Аксаков, И.С.] Сочинения И.С. Аксакова. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К^о), 1886. – VII+844 с.

5. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.

6. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

7. Тамборра, А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога / Пер. с ит. (Серия «Диалог»). – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 631 с.

8. *Imperium inter pares*: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

9. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

10. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: [Сб. статей] / Редакторы-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – М.: Новое издательство, 2010. – 428 с.